

Извѣстія и замѣтки

(ИСТОРИЧЕСКІЯ, ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ И ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЯ).

ОТНОСИТСЯ ЛИ ПѢСНЯ О ВЗЯТІИ АЗОВА *) КЪ СОБЫТІЯМЪ ХІ ВѢКА?

Въ іюльской книжѣ Кіевской Старины за текущій годъ напечатана статья достопочтеннаго г. Стоянова: „Южнорусская пѣсня о событіи ХІ вѣка“, имѣющая цѣлю сообщить очень важное открытіе въ области нашей южнорусской этнографіи. Дѣло въ томъ, что на мѣстѣ, близкомъ къ мѣстности древняго города Торческа, взятаго половцами въ 1033 году, изъ устъ селянъ записано преданіе, сходное съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ. По лѣтописи (П. С. Р. Л. 1. 93—94) рассказывается, что когда половцы съ большою силою обступили Торційскій градъ, выступили противъ враговъ князя изъ Кіева: Святополкъ Изяславичъ, Владиміръ Мономахъ и меньшій братъ послѣдняго Ростиславъ. Но между ними настала безледица и они обратились въ бѣгство съ своими дружинами. Молодой князь Ростиславъ при переправѣ черезъ рѣку Стугну утонулъ передъ глазами старшаго своего брата Владиміра Мономаха. „Половцемъ же осѣдящимъ Торцьскій, противящимся же Торцьскомъ и вѣрнко борющимся изъ града убиваху многы отъ противныхъ; половцы же начаша налегати и отъмиаху воду и изнемогати начаша людье въ градѣ водною жажею и голодомъ. И прислаша Торци къ Святополку глаголюще: аще не пришлеша брашна, предатися имами. Святополкъ же посла имъ и не бѣ лзѣ вра-

*) Кіев. Старина, іюль, стр. 81.

стися въ градъ множествомъ вой ратныхъ. Изнемогша люди въ градѣ голодомъ и предашася ратнымъ“.

Одинъ изъ мѣстныхъ поселянъ Корній Валовый передаетъ дошедшее до него преданіе такъ:

Этотъ городъ былъ еще при тѣхъ князьяхъ, которые княжили когда-то въ Кіевѣ, Красномъ и Трипольѣ; тому уже будетъ съ тысячу лѣтъ. Говорятъ, городъ Торчъ былъ очень силенъ и непріятель (а тогда все орды ходили) никакъ не могъ его добыть. Только начнутъ лѣзть на валы, торчане бросаютъ на нихъ колоды съ валовъ: поколотятъ ихъ добрымъ порядкомъ—они и отойдутъ въ свои шанцы. Однако хитростями городъ взяли: воду отвернули со Стугны, да чумакомъ; князья припли на помощь торчанамъ и стали между собой толковать и ссориться. А орда, не долго думая и совѣтуясь, какъ бросится на нихъ, и потопила всѣхъ въ Стугнѣ.

Другой мѣстный туземецъ Омелько продолжалъ рассказъ такъ:

Враги же все не отступаютъ отъ Торча, облегли его кругомъ такъ, что тамъ стало нечего ѣсть и пить: отвели, значить, воду, а сами приготовили пятьдесятъ возовъ чумацкихъ: въ переднихъ наложили хлѣбнаго зерна, а въ остальныхъ сами залегли и говорятъ: мы вамъ провіантъ веземъ присланный отъ помощи. Дѣло происходило ночью. Имъ отворили ворота. Они такимъ образомъ взяли Торчъ: вотъ это и значить: чумакомъ взяли городъ. И въ пѣснѣ про это поется:

А зробимъ, братці, півтораста возовъ,

Да поїдемо въ Азовъ.

Приходе купчина, питає.

У насъ, брате, товаръ дорогий...

Пѣсня, которую привелъ Омелько, найдена была въ нѣсколькихъ вариантахъ. Содержаніе ея таково: богачъ бурлакъ собираетъ ватагу молодцовъ, все изъ мастерового народа, снаряжаетъ возы съ дорогими мѣхами на продажу, а въ заднихъ возахъ вмѣсто товара запрятываются молодцы. Они отправляются въ какой-то городъ, различно именуемый въ различныхъ вариантахъ пѣсни. Такимъ способомъ они овладѣваютъ этимъ городомъ. По нѣкоторымъ же вариантамъ они просто продаютъ свой товаръ вмѣстѣ съ воза-

ми и волами. Пѣсня эта не составляетъ мѣстнаго сокровища, распространена повсюду и мнѣ была извѣстна уже лѣтъ сорокъ. Позволю себѣ не согласиться съ выводами достопочтеннаго изслѣдователя и укажу почему:

1) Намъ остается желательнымъ знать: былъ-ли грамотень Корній Валовый и не сообщилъ ли ему свѣдѣній о древнемъ Торчѣ кто-нибудь изъ печатной книжки, а объ этомъ, хотя бы кратко, можно найти въ любой русской исторіи, въ нѣкоторыхъ же и подробно съ мелочами лѣтописнаго разсказа. Вездѣ, гдѣ есть мѣстности, которыхъ названія почему-либо извѣстны въ исторіи, мѣстные грамотѣи любятъ читать и другимъ передавать прочитанное о своей мѣстности. Что-то уже слишкомъ близко къ лѣтописи знаетъ этотъ Корней Валовый о событіяхъ XI вѣка и притомъ такихъ, какъ неудача русскихъ при переправѣ черезъ Стугну и потопленіе ихъ. Какъ могло такое событіе, одно изъ многихъ, похожихъ въ главныхъ чертахъ другъ на друга, уцѣлѣть въ теченіи 800 лѣтъ въ народной памяти?!

2) О безыскусственности разсказа Омелька не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Но въ немъ сходство съ лѣтописнымъ повѣтствованіемъ только то, что осажденные въ Торчѣ принуждены были къ сдачѣ города отведеніемъ воды и голодомъ. Такой конецъ обыкновенно полагается въ преданіяхъ обо всѣхъ старинныхъ городахъ. Въ псковской губерніи обо всѣхъ старинныхъ псковскихъ пригородахъ разсказываютъ на мѣстѣ одно и тоже: городъ былъ большой, церковей въ немъ было нѣсколько десятковъ, силенъ былъ городъ, да взяли его потому, что воду отвели изъ такой-то рѣки и подвозу съѣстнаго не стало; да вѣдь оно такъ всегда почти и бываетъ! Вѣрность въ сказаніи Омелька въ этомъ случаѣ зависитъ отъ естественности: все равно, есть ли въ лѣтописи о такомъ концѣ Торческа, или нѣтъ, въ разсказѣ о старомъ городѣ, взятомъ врагами, преданіе окончится именно такою чертою. Что касается до взятія Торческа посредствомъ ввезенныхъ туда повозокъ съ запряганными молодцами, Омелько здѣсь приурочилъ къ своему Торческу общую, извѣстную ему пѣсню. Мы готовы биться объ-закладъ, что въ другой мѣстности, гдѣ есть городище стариннаго города, непременно можно услышать такое же приуроченіе этой же самой пѣсни.

3) Что касается до самой пѣсни въ ея основѣ, то мы не сомнѣваемся причислить ее къ разряду древнихъ; замѣтимъ, что намъ она всегда казалась заимствованною изъ великорусскихъ, хотя уже отъ времени сильно притертою въ малорусскомъ народномъ обиходѣ, но это не уничтожаетъ въ ней колорита древности, напротивъ, еще болѣе придаетъ онаго: чѣмъ древнѣе пѣсня, тѣмъ близости въ ней можно найти больше съ другою единоплеменною народностью. Когда сложился въ ней образъ народного міровоззрѣнія, представляющій взятіе чужого города посредствомъ хитраго проведенія туда воиновъ,—мы сказать не въ состояніи; но вѣрно то, что онъ сложился и облекся въ пѣсню вслѣдствіе не какого нибудь случая, бывшаго тамъ или здѣсь когда-то, а цѣлаго, можетъ быть, ряда мелкихъ случаевъ, и потомъ самъ былъ источникомъ многихъ болѣе или менѣе въ свое время важныхъ подобныхъ событій, происходившихъ въ дѣйствительности, такъ какъ этотъ образъ составилъ часть народного міросозерцанія, которое всегда, иногда и незамѣтно, двигаетъ историческимъ ходомъ судьбы народа. Эти пятьдесятъ или двѣсти пятьдесятъ воевъ со скрытыми тамъ воинами—тотъ же деревянный конь хитроумнаго Одисея, введенный подъ дружелюбнымъ предлогомъ въ Трою, и тайно нагруженный воинами, которые съ наступленіемъ ночи встали изъ своего убѣжища и разорили всю Трою. Что этотъ деревянный конь въ свое время сдѣлался образомъ народного эллинскаго міросозерцанія, показываетъ то, что послѣдующая исторія греческихъ республикъ не скудна событіями, когда воюющія стороны брали верхъ посредствомъ хитраго введенія своихъ силъ и къ соперникамъ подъ дружелюбными предложениями. Въ исторіи другихъ народовъ можно также встрѣтить такой же образъ народного міросозерцанія, и подобнаго рода дѣйствительно бывшія событія, которыя безъ сомнѣнія возникали въ значительной степени отъ этого міро-созерцанія, укоренившагося прежде.

4) Наша пѣсня о введеніи воевъ съ воинами, подъ дружелюбнымъ предлогомъ привоза товара на продажу, вѣроятно носитъ въ себѣ зародыши разныхъ народныхъ вымысловъ и дѣйствительныхъ событій, порождаемыхъ силою обычнаго народного міросозерцанія; но напрасны будутъ усилія приурочить ее къ какому-нибудь опредѣленному историческому событію въ томъ или дру-

гомъ вѣкъ нашей исторіи. Ее уже, какъ видно, относили къ событіямъ XVII вѣка. Псевдо-Конисскій рассказываетъ подобное событіе по поводу освобожденія казаками Палѣя изъ польскаго плѣна; неизвѣстно, самъ ли псевдоисторикъ пригналъ тотъ рассказъ къ Палѣю или взялъ уже готовое приложение его въ народѣ. Во всѣхъ вариантахъ видно, что идетъ скорѣе дѣло о временахъ казацкихъ, а не о древнихъ княжескихъ. Города, упоминаемые въ разныхъ вариантахъ различно, все таки заимствованы изъ географіи позднѣйшей казацко-татарской эпохи, а не удѣльно-вѣчевой: Азовъ, Кремень (Исланъ—Кермень), Кишеневъ, Ростовъ, Щучинъ (?). Исслѣдователь большое значеніе для себя видитъ въ томъ, что одинъ вариантъ кончается такъ, какъ будто орда захватываетъ и вводитъ въ городъ возы, что (говоритъ онъ) болѣе согласно съ лѣтописью, по которой Святополкъ не могъ доставить брашна осажденнымъ торчаномъ (Кіевск. Стар., іюль 1882 г., стр. 93). Дѣйствительно есть такой вариантъ, гдѣ говорится, что орда забрала волю и возы; о не говорится, что орда ввезла эти возы, овладѣвъ ими прежде, какъ бы хотѣлось достопочтенному г. Стоянову, желающему во чтобы то ни стало подогнать эту пѣсню къ подобію съ лѣтописнымъ повѣствованіемъ о взятіи Торческа половцами. По смыслу этого варианта выходитъ, что привезшіе товаръ говорятъ: завтрешній день увидимъ, братья, сами, что будетъ.

А по завтрашнемъ, братья,

Побачемо ще й сами...

Далѣе говорится, съ вечера орда городомъ овладѣла кругомъ (городъ обняла), къ полуночи—вошла въ городъ, а на разсвѣтъ—забрала возы и волю. Хотя, вообще, излагается событіе не ясно, но все-таки видно, что явленіе орды совершается уже послѣ того, какъ возы введены въ городъ, а не орда эти возы вводила, какъ хочется достопочтенному исслѣдователю. Онъ увлекается въ желаніи непременно привязать эту пѣсню къ Торческу до того, что окончаніе вышеприведеннаго варианта: „кому недостаетъ суконъ и золота, тотъ беретъ молодыхъ турчюкъ“ толкуетъ такъ, какъ будто слово: туркенья—турчанка, здѣсь значитъ—торкенья—обитательница города Торческа, тогда какъ слово: туркенья—самое употребительное до сихъ поръ и совершенно умѣстно въ вариантѣ, гдѣ

дѣйствіе происходитъ въ городѣ Азовѣ, населенномъ турками. Болѣе правдоподобно г. Рудченко (Чум. пѣсни, 84) и г. Т—въ (Вѣстникъ Европы, мартъ 1877 года) склоняются по этимъ чертамъ варианта, о которомъ идетъ рѣчь, видѣть здѣсь великорусскую разбойничью пѣсню, или же пѣсню о взятіи Азова донскими козаками при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ; но это имѣетъ правдоподобіе только относительно особенностей одного этого варианта пѣсни, а не всей пѣсни. Вообще вариантъ этотъ не составляетъ единой и неизмѣнной редакціи всего народнаго произведенія; напротивъ, въ большей части другихъ извѣстныхъ намъ вариантовъ этой пѣсни вовсе не упоминается объ ордѣ, которой здѣсь въ заключеніе всего достаются привезенные возы съ товарами. Пѣсни, какъ всѣмъ занимавшимся ими вѣдомо, въ текущемъ обращеніи среди народа видоизмѣняются; изъ одной отдѣляются части и образуютъ особыя пѣсни, одна пѣсня соединяется съ другою, изъ нужной заходятъ случайно стихи и даже большія части и придаютъ иной смыслъ содержанію, иногда даже виѣдряются части единственно по сходству или даже по отдаленному подобію напѣва, и притомъ пѣсни въ одномъ краѣ поются иначе, чѣмъ въ другомъ, подвергаясь вліянію и говорамъ и индивидуальныхъ особенностей поющихъ лицъ. Поэтому, чтобы понимать истинный смыслъ пѣсни и ея первоначальное бытіе, нужно имѣть въ виду только основныя черты ея, а не случайныя: отличать тѣ и другія составляетъ важнѣйшее искусство въ этнографіи.

5) Ничего не помогаетъ г. изслѣдователю и приведенный имъ рассказъ о томъ, что, по сообщенію Омелька, одинъ разъ дѣти на мѣстѣ древняго Торческа нашли яму и въ ней полковый клубочекъ. Когда они стали его мотать, вдругъ изъ подъ земли показалась церковная глава и стала выходить церковь. Но тутъ прибѣжала мать и церковь опять ушла подъ землю. Этотъ поэтический рассказъ не принадлежитъ исключительно одной какой нибудь мѣстности и даже одному какому нибудь краю. Онъ ходитъ по всей Руси, повторяется почти вездѣ, гдѣ есть преданіе объ ушедшей подъ землю церкви, которая иногда, хотя рѣдко, является людямъ. Такихъ преданій мно...

Изъ всего изслѣдованія многоуважаемаго г. Стоянова одно только представляетъ вкладъ въ науку: это опредѣленіе мѣстопо-

ложенія древняго Торческа на р. Стугнѣ, что и осталось у мѣстныхъ жителей подъ именемъ Торча, какъ называютъ они до сихъ поръ бывшій городъ. Любопытно было бы, если бъ археологи нашли возможнымъ поискать въ глубинѣ земли остатки его бытія и жизни его обитателей.

Н. Костомаровъ.

Іюля 11-го 1882 года.

ПОСЛѢДНІЙ ПИСАРЬ ВОЙСКА ЗАПОРОЖСКАГО ГЛОБА.

Въ Русской Старинѣ 1875 года (ноябрь) была помѣщена мною статья: „Калнишевскій, послѣдній кошевой Запорожской Сѣчи“, написанная мною по случаю истеченія ста лѣтъ со времени уничтоженія „славнаго войска запорожскаго“. Въ этой статьѣ, между прочимъ, напечатаны собранныя мною въ 1862 году преданія бѣломорскихъ поморовъ о Калнишевскомъ, свѣдѣнія объ отправкѣ его изъ Архангельска для содержанія въ Соловецкій монастырь, заимствованныя изъ дѣлъ архангельскаго губернскаго архива, всеподданнѣйшій докладъ кн. Потемкина о заточеніи кошеваго атамана въ Соловецкій монастырь, войсковаго судьи Головатаго и войсковаго писаря Глобы въ сибирскіе монастыри,—указъ св. синода архимандриту соловецкаго монастыря Досиѣю о способѣ содержанія Калнишевскаго въ заточеніи, надпись на евангеліи, пожертвованномъ монастырю Калнишевскимъ и надпись на памятникѣ, устроенномъ надъ могилой Калнишевскаго архимандритомъ Александромъ. Въ указанной статьѣ мною мимоходомъ упоминается также о томъ, что войсковой писарь Глоба былъ сосланъ въ г. Туруханскъ, въ тамошній монастырь, гдѣ и умеръ около 1790 года. Это послѣднее извѣстіе сообщено было мнѣ въ г. Воронежѣ извѣстнымъ любителемъ русской литературы Н. Д. Мизко, родственникомъ Глобы по матери. Считаю нелишнимъ сообщить все то, что было передано мнѣ г-мъ Мизко, а также что извѣстно о Глобѣ изъ другихъ источниковъ.

По свѣдѣніямъ, заключающимся въ „Исторіи Новой Сѣчи“ А. Скальковскаго, Иванъ Яковлевичъ Глоба первоначально служилъ писаремъ на запорожскихъ перевозахъ и въ паланкахъ; въ 1762

году онъ былъ выбранъ войсковымъ писаремъ и, въ качествѣ таковаго, въ томъ же году участвовалъ, вмѣстѣ съ кошевымъ атаманомъ Григоріемъ Федоровымъ, въ поѣздкѣ въ Петербургъ по дѣламъ войска. Подъ 1765 годомъ о немъ снова упоминается, какъ о войсковомъ писарѣ. Последнюю должность онъ, вмѣстѣ съ кошевымъ Калнишевскимъ, сохранилъ въ теченіи 10 лѣтъ, до самаго уничтоженія Сѣчи, чего до того времени въ Кошѣ „изъ вѣку вѣковъ не бывало“. Въ 1765 г. онъ снова участвовалъ въ депутаціи, отправленной запорожцами въ Петербургъ. Затѣмъ встрѣчаемъ его принимающимъ участіе въ компаніи 1770 года, за которую онъ получилъ отъ государыни золотую медаль. Глоба отличался выдающимся умомъ, познаніями и сметливостью, такъ что прослылъ самымъ умнымъ козакомъ въ Сѣчи (т. II, стр. 290 и 303; т. III стр. 83). Объ его дарованіяхъ можно заключать, напримѣръ, по сочиненной имъ рѣчи, которая сказана была запорожскою старшиною Екатеринѣ II-й 9 сентября 1762 года въ петровскомъ дворцѣ, подъ Москвой, гдѣ императрицу поздравляли съ благополучнымъ восшествіемъ на престолъ „знатныя персоны обоего пола“. Рѣчь эта, напечатанная въ Русскомъ Вѣстникѣ за 1840 годъ (т. II, стр. 163), начинается словами: „Вся премудростію, силою, славою и благостію своею сотворивый Господь вѣчно и непоколебимо узаконилъ рѣкамъ вѣдать свой югъ, магниту сѣверъ, тучѣ востокъ, солнцу западъ, намъ же, человѣкамъ, учрежденную надъ собою власть“. Произнесенная запорожцами рѣчь произвела благопріятное впечатлѣніе на императрицу, такъ что она, по окончаніи рѣчи, „милостиво изволила кошеваго атамана и старшину о своемъ покровительствѣ обнадежить, и какъ атамана, такъ и старшину, припадшихъ къ стопамъ Ея Императорскаго Величества, жаловать къ рукѣ“.

Послѣ разоренія Сѣчи, Глоба, вмѣстѣ съ кошевымъ и генеральнымъ судьей, понесли на себѣ всю отвѣтственность за вины Запорожскаго войска. Они, какъ сказано выше, въ 1776 году были заключены въ монастыри. Заточеніе ихъ было строгое, такъ какъ въ указѣ св. синода предписывалось, „чтобы узники сіи содержаны были безвыпускно изъ монастырей и удалены-бъ были не только отъ переписокъ, но и отъ всякаго съ посторонними людьми обращенія“. Кошевой Калнишевскій находился въ заточеніи до 1801

года, когда онъ былъ освобожденъ по высочайшему повелѣнію, хотя и не оставлялъ уже соловецкаго монастыря до смерти, послѣдовавшей въ 1803 году. Но Глоба не дождался свободы; онъ умеръ въ заточеніи въ 1790 или въ 1791 году.

По смерти заключеннаго, изъ тобольскаго намѣстническаго правленія было сдѣлано сообщеніе екатеринославскому намѣстническому правленію, а изъ послѣдняго присланъ указъ новомосковскому нижнему земскому суду о розысканіи родственниковъ „умершаго секретнаго арестанта Ивана Яковлева Глобы“. Обращеніе екатеринославскаго намѣстническаго правленія къ новомосковскому земскому суду послѣдовало вслѣдствіе того, что родственники покойнаго жили возлѣ г. Новомосковска. Умершій имѣлъ родную сестру Авдотью Яковлевну, бывшую замужемъ за Василиемъ Бойко ¹⁾). Родственники заточеннаго разыскивались по той причинѣ, что послѣ его смерти осталось нѣкоторое имущество и деньги. Вотъ реестръ этого имѣнія, составленный въ Туруханскомъ монастырѣ 7 сентября 1791 года и сообщенный тобольскимъ намѣстническимъ правленіемъ:

1) Сундукъ кедровой, окованный изрѣдка чернымъ желѣзомъ.

2—8) Кафтаны: к. штофной по голубой землѣ, съ разными травами, подложенъ черной выбойкой; к. штофной по бѣлой землѣ, съ разными травами, стеганный на красномъ кумачѣ; к. штофу краснаго, стеганный на хлопчатой бумагѣ, подложенный кумачемъ; к. алой обьяри съ травами, полы обложены тою-жъ обьярою; к.

¹⁾ По сообщенію Никол. Дм. Мизко, Василій Михайловичъ Бойко служилъ первоначально въ полтавскомъ магистратѣ, вмѣстѣ съ Петромъ Котляревскимъ, отцомъ извѣстнаго автора перелицеванной Энеиды и Наталки-Полтавки, въ бытность бургомистромъ Григорія Паскевича, дѣда фельдмаршала. Дочь Бойка, Елизавета (р. 1760 г., ум. 1820 г.) состояла въ замужествѣ за Федоромъ Мироновичемъ Легкоступомъ. Этотъ Легкоступъ сначала запорожець, а впослѣдствіи капитанъ русской службы, былъ племянникъ и воспитанникъ запорожскаго старшины Якова Легкоступа, строителя новомосковской соборной церкви; онъ жилъ въ послѣднее время въ 17-ти верстахъ отъ г. Новомосковска, въ своемъ имѣніи, гдѣ и умеръ въ 1793 г. (род. въ 1741 г.) отъ раны, полученной отъ напавшихъ на него гайдамаковъ. Дядя его Яковъ Легкоступъ родился въ 1700 г., построилъ новомосковскій соборъ въ 1774 г., умеръ въ 1798 г. Дочь Федора Мироновича Легкоступа, Александра (р. 1790 г., ум. 1822 г.), была матерью Н. Д. Мизко.

алаго атласу, подложенъ красной пестрой выбойкой; к. бѣлой тонкаго сукна, полы подложены малиновой тафтой, вокругъ обложенъ узкимъ золотымъ позументомъ; к. синяго сукна безъ подкладки, вокругъ обложенъ золотымъ шнуromъ.

9—12) Шубы: ш. лисьяго хребтоваго мѣха, покрыта голубымъ сукномъ, вокругъ обложена золотымъ узенькимъ позументомъ; ш. черныхъ мерлушекъ, покрытая алымъ сукномъ, по поламъ обложенная узенькимъ золотымъ газомъ; ш. краснаго сукна, мѣхъ лисій, черевій; ш. синяго сукна, мѣхъ бѣлій.

13) Кирейка песочнаго сукна, подложена каказой.

14) Тулубъ непокрытой, бѣлыхъ мерлушекъ.

15) Кушакъ персидской, краснаго шелку, на концахъ серебромъ тканый.

16) Кушакъ шелковой, краснаго цвѣту.

17) Пуховикъ, наволочка мѣховая.

18) Одѣяло стеганое, бахтовое.

19) Простыня льнянаго холста, простая.

20) Пологъ коноплянаго холста.

21) Коврикъ перетканой, небольшой, шерстяной.

22) Коверъ шерстяной полосатый, простой.

23) Коверъ простой, шерстяной-же.

24) Стаканъ серебрянъ, вѣсомъ 22 золотника.

25) Тарелокъ оловянныхъ 5, два блюда оловянные, большіе, плоскіе, два блюда глубокіе, одно изъ нихъ ветхое, одно небольшое.

26) Два чайника красные небольшіе; одинъ котель красной мѣди, въ полведра; кубикъ для двоенія водки, мѣдной четвертной.

27) Чугунка небольшая, на ножкахъ.

Все перечисленное имущество досталось Е. В. Байковой, племянницѣ И. Я. Глобы; деньги-же она оставила на монастырь (туруханскій).

П. Ефименко.

ВЗГЛЯДЪ НАРОДА НА ШЕВЧЕНКА.

Вездѣ въ Малороссіи можно услышать о Шевченкѣ разнообразныя рассказы и толки. Я часто разспрашивалъ о немъ нашихъ крестьянъ, чтобъ узнать, знаютъ-ли они своего поэта и какъ на

него смотреть. Оказалось, что имя Шевченка народу хорошо знакомо. Мало того, народъ представляетъ его и изображаетъ въ своихъ легендарныхъ разсказахъ героемъ, равнымъ другимъ любимымъ историческимъ лицамъ, каковы Морозенко, Нечай, Палій и друг. Обыкновенно малорусскій народъ всѣмъ своимъ любимымъ героямъ придавалъ чародѣйскій образъ, необыкновенную силу и другія качества, которыя опредѣляютъ „характерника“. Такимъ „характерникомъ“ въ глазахъ народа является и Шевченко.

Замѣчательно то, что народъ сумѣлъ понять и оцѣнить своего поэта, какъ нельзя лучше, что и выразилъ въ своихъ разсказахъ по своему. Подводя итогъ всему тому, что мнѣ приходилось о немъ слышать, я видѣлъ, что онъ представляется народнымъ героемъ, стоящимъ за родной ему „сермяжный людъ“; онъ протестуетъ противъ угнетеннаго и бѣдственнаго положенія крестьянъ и ратуетъ за ихъ „волю“.

Что касается тѣхъ чертъ, которыя характеризуютъ личность Шевченка, какъ „характерника“, то они очень различны и передаются не вездѣ одинаково. О проводахъ его тѣла на Украину и о погребеніи я слышалъ самые разнообразныя разсказы, наполненные сверхъ-естественными приключеніями. Впрочемъ всѣ увѣрены, что Шевченко не похороненъ въ Украинѣ: одни говорятъ, что онъ остался живъ, а вмѣсто него былъ привезенъ кто-то другой, другіе—что его во время перевозки подмѣнили и украли, третьи—что онъ самъ, какъ „характерникъ“, помощью своей чародѣйской силы всталъ невидимо изъ гроба. Не знаю, что породило въ народѣ такія мысли и слухи.

Мнѣ указывали высокую „могилу“ не далеко отъ его родины (въ 25 верстахъ), въ которой какъ будто-бы зарытъ привезенный гробъ. „Могила“ эта находится вблизи густаго, непроходимаго лѣса и про нее ходитъ въ народѣ много чудесныхъ разсказовъ, связанныхъ съ именемъ поэта.

Не смотря на то, что Шевченко былъ еще не такъ давно, существованіе его относится народомъ къ давнему времени. О немъ говорятъ такъ-же, какъ и о Кармелюкѣ, существованіе котораго относится къ гораздо раньшему періоду, и разсказы о немъ ходятъ, какъ преданія.

Привожу дословный рассказ одного крестьянина, записанный мною въ звенигородскомъ уѣздѣ; въ немъ лучше всего и полнѣе выразился народный взглядъ на поэта.

„Бувъ собі колись-то такий великий характерникъ—Шевченко; та такий, шо зъ нимъ ни хто не мігъ зривнятися. Издивъ вінъ, кажуть, скривъ по світі та збиравъ одъ панівъ разні листы—бумагы. Кажуть, шо якъ вінъ умеръ, то ёго привезли въ домовині звіткиль-сь зъ дѣлека на Украину, бо якъ умиравъ, то сказавъ, щобъ ёго поховали въ степу на могилі, ніби-бъ-то въ риднімъ краю. Отъ ёго і привезли туди до Жидівського¹⁾, до теі роскопані могили, де коло здорового шляху, стали здіймати зъ воза домовину, тай не здіймуть—така важка. Шо не робили, ніякъ не здіймуть, та мусіли прикликать зъ села двадцять дівокъ (чеснихъ), та ажъ ті зняли її. Але-жъ якъ після розкрили її, то вона була тілки повна разніхъ списівъ—бумагъ, а ёго самого не було; та такъ її зъ тими бумагами і закопали. Кажуть, шо після хтось-то хотівъ ту могилу роскопати та забратъ списи (бо зъ ними можно було-бъ одібратъ назадъ у людей ту землю, шо у панівъ забрали після панщины), та у того чоловіка одібрало руки і ноги, то вінъ і покинувъ докопувати.

Та Шевченко цей дуже клопотався за людей, шо робили у панівъ панщину і дуже просивъ за нихъ царя, щобъ той давъ їмъ волю. А царъ все таки волі не дававъ. Отъ разъ вінъ приходить до царя, ёго впустили въ палатку; ввійшовши въ палатку вінъ хапъ за шапку та объ землю трахъ, тай каже тоді цареві: „оце тілки й твоєі землі, шо підъ моею шапкою, а надъ всею землею паны царюють! Весь світъ я ізъиздивъ, а ні-де не бачивъ, щобъ такъ було гірко та важко жити людямъ, якъ въ твоімъ царстві!“ ...

Записано 1880 г. въ с. Гусаковой, звенигородскаго уѣзда.

А. Смотій.

ИСЧЕЗНУВШІЯ И ИСЧЕЗАЮЩІЯ ЮЖНОЙ РОССИИ ЖИВОТНЫЯ.

Общеизвѣстенъ фактъ, что съ увеличеніемъ населенія во всѣхъ странахъ начинается уменьшеніе числа дикихъ животныхъ, а нѣ-

¹⁾ Лѣсъ недалеко отъ села Гусаковой, звенигородскаго уѣзда.

которыя породы ихъ даже совершенно исчезаютъ. Тотъ-же фактъ повторился и въ южной Россіи.

Самая интересная порода животныхъ, представители которыхъ попадались еще въ херсонской губ. менѣе 30 лѣтъ тому назадъ,— это были *дикія лошади*, по мѣстному *тарканы*. Послѣдній разъ въ херсонской губ. (какъ я слышалъ отъ очевидцевъ, мнѣ же лично не приходилось ихъ видѣть) ихъ видѣли въ 1856 г. въ херсонскомъ уѣздѣ, верстахъ въ 40 отъ г. Николаева, недалеко отъ бывшаго военнаго поселенія *Новый Бугъ*. Въ херсонскомъ-же уѣздѣ дикія лошади долго еще держались въ другомъ углу, въ урочищѣ „Шестерня“, близъ села Ново-Воронцовки, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ праваго берега Днѣпра и верстахъ въ 60 отъ Херсона. Разказы очевидцевъ сходятся въ томъ, что эти лошади были вообще небольшого роста, сѣро-пепельной масти (мышастой), имѣли черныя гривы и хвосты и вдоль спины непремѣнно была черная-же полоса. Дальше разказы объ нихъ нѣсколько расходятся: одни говорили, что эти лошади, не смотря на свою быстроту, были не красивы, большеголовыя и съ грубыми копытами; по разказамъ-же другихъ, дикія лошади представляли собою въ миньютюрѣ идеаль этого благороднаго животнаго: они были очень стройны, имѣли маленькія сухія головки съ большими выразительными глазами, тонкія шеи и копыта крѣпкія „стаканчикомъ“. М. Е. Шварцъ, начальствовавшій долгое время цѣлымъ округомъ въ южныхъ военныхъ поселеніяхъ, и много разъ видѣвшій дикіихъ лошадей, именно въ послѣднемъ видѣ описывалъ мнѣ ихъ. Некрасивыя-же особи, по его мнѣнію, были ничѣмъ инымъ, какъ помѣсью съ простыми домашними лошадьми, потому что дикія жеребцы по временамъ подбродывались къ пасшимся домашнимъ лошадямъ и вводили съ собою кобылъ. По его словамъ, случалось даже издали видѣть (потому что дикія лошади не подпускали къ себѣ на близкое разстояніе) въ стадѣ дикіихъ лошадей—домашнихъ лошадей съ остатками упряжи. Любимѣйшимъ мѣстопробываніемъ ихъ была совершенно ровная степь, безъ всякихъ углубленій, на которой малѣйшій предметъ былъ-бы видѣнъ на большое разстояніе. По словамъ Рубана (писателя прошлаго вѣка) въ прошломъ вѣкѣ дикіе кони водились даже въ полтавской губ., по р. Орели.

Олени. Уже старожилы не помнят и отъ отцовъ своихъ не слышали, когда водилась въ лѣсахъ южной Россіи эта дорогая дичь. Покойный профес. А. С. Роговичъ (извѣстный знатокъ естественныхъ наукъ) говорилъ мнѣ, что еще въ прошломъ вѣкѣ олени водились даже въ полтавской губ. Помнится, что объ этомъ вспоминаеть и г. Рубанъ въ своемъ „Описаніи Малой Россіи“.

Лоси. Въ 1840 г., почти на моихъ глазахъ, былъ убитъ лось верстахъ въ 20 отъ Конотопа, близъ деревни Козацкой Дубровы, но теперь что-то про нихъ совершенно не слышно въ черниговской губ.; если немного и сохранилось, то развѣ въ мглинскомъ и суржскомъ уѣздахъ. Въ кievской губ. еще въ недавнее время лосей было множество въ Бородянскихъ лѣсахъ (кiev. уѣз.) Тамъ было для нихъ приволье въ непроходимыхъ дѣвственныхъ чащахъ. Когда же до тѣхъ лѣсовъ добрался алчный еврей и принялся рубить ихъ на всемъ пространствѣ, то лоси всею массой эмигрировали оттуда. Очевидцы рассказывали мнѣ, что лѣтъ 10 или 15 тому назадъ огромное стадо лосей (нѣсколько сотъ, а можетъ быть и тысяча головъ) переправлялись чрезъ рѣку Тетеревъ по направленію на сѣверо-западъ; по всей вѣроятности они перешли въ минскую или гродненскую губ. Если и осталось нѣсколько экземпляровъ лосей въ кievской губ., то развѣ только въ самыхъ сѣверныхъ мѣстахъ радомысльскаго уѣзда по надъ р. Припетью. Про существованіе ихъ въ воынской губ. тоже что-то мало слышно: тамъ евреи позабирали въ свои руки имѣнія, въ видѣ долгосрочныхъ арендъ,—а гдѣ прочно поселяется еврей, тамъ лѣса окончательно гибнуть, лоси же только и могутъ держаться въ прочныхъ старыхъ лѣсахъ.

Почти тоже самое, что про лосей, можно сказать и про *дикихъ кабановъ*: еще въ недавнее время въ радомысльскомъ уѣздѣ (кiev. губ.) и въ сѣверныхъ уѣздахъ Воыни дикія свиньи составляли довольно обыкновенную дичь, теперь-же представляютъ онѣ большую рѣдкость.

Медведи въ южной Россіи истреблены окончательно. Въ черниговской губ. они еще встрѣчались въ 40-хъ годахъ. Въ кievской губ. они, повидимому, были истреблены еще раньше, такъ какъ въ радомысльскомъ уѣздѣ я разспрашивалъ стариковъ, и они медвѣдей уже не видѣли; тоже самое можно сказать и про Воынь. О множествѣ медвѣдей, водившихся въ прежнее время въ тѣхъ мѣстахъ

можно судить по вкоренившемуся обычаю ставить ульи довольно высоко на деревья; это дѣлаютъ всѣ селяне кievскаго и волынскаго полѣсья.

Бобры. Обь изобиліи бобровъ въ прежнее время во всей лѣсистой полосѣ южной Россіи показываютъ многочисленныя названія, напоминающія это животное—бобрикъ, бобровица, и т. п.; въ радомысльскомъ уѣздѣ есть даже рѣка Жеревъ, названіе которой указываетъ, что тамъ когда-то „жировали“ бобры, то есть просто водились тамъ. Въ концѣ 40-хъ и въ началѣ 50-хъ годовъ воротникъ изъ такъ называемаго *литовскаго* бобра стоилъ обыкновенно 3 руб. сереб. Этотъ одинъ фактъ доказываетъ, что бобровъ водилось много. Въ изданной Лазаревскимъ „Румянцевской описи Малороссіи“ въ одномъ изъ селъ близъ г. Козельца (кажется въ Новомъ Быковѣ) упоминается, какъ обь особомъ сословіи, о „бобровникахъ“, обязанность которыхъ была—поставлять бобровые мѣха гетману. Впрочемъ, какъ величайшая рѣдкость, они еще существуютъ въ самыхъ неприступныхъ болотахъ кievской губ.; по крайней мѣрѣ года три тому назадъ въ Кіевѣ на Бессарабскомъ базарѣ продавали живаго бобра.

Росомахи и рыси, о которыхъ, впрочемъ, жалѣть нечего, къ счастью тоже перевелись. Однако рысь была убита въ житомирскомъ уѣздѣ, какъ писали о томъ въ „Кіевлянинѣ“, года 4—5 тому назадъ. Въ радомысльскомъ уѣздѣ одинъ шляхтичъ рассказывалъ мнѣ, что лѣтъ 20 тому назадъ росомаха сдѣлала нападеніе на его воловъ и одного вола загрызла на смерть.

Бабаки (*Arctomys bobac*) тоже составляютъ теперь величайшую рѣдкость, мнѣ извѣстно только одно урочище въ конотопскомъ уѣздѣ, гдѣ они изъ года въ годъ водятся, а въ 30—40-хъ годахъ ихъ нерѣдко можно было встрѣтить прирученными въ частныхъ домахъ. У моихъ родителей нѣсколько лѣтъ жилъ одинъ экземпляръ. Въ прежнее-же время ихъ было такое множество, что польскій инженеръ Бопланъ, жившій въ 30-хъ годахъ ХVІІІ вѣка, въ своемъ „Описаніи Украины“ говоритъ, что ночью опасно было ѣхать степью, такъ какъ лошадь могла легко поломать себѣ ноги вслѣдствіе множества байбачьихъ норъ.

Барсуки тоже довольно рѣдки, но еще не перевелись окончательно, такъ какъ полосатыя шкурки этого животнаго можно по

временамъ увидѣть, въ видѣ украшенія, на охотничьей сумкѣ ка-кого-нибудь полѣсовщика или вообще завязатаго охотника.

Сайги (*Antilopa saiga*) по украински „*Суаки*“ еще въ прошломъ вѣкѣ водились въ нынѣшней херсонской губ. по надъ р. Бугомъ, а теперь, какъ говорятъ, изрѣдка встрѣчаются только въ степяхъ земли Войска Донскаго.

Даже *сарны* (*Сervus cargeolus*), еще недавно составлявшіе довольно обыкновенную дичь, теперь сильно уменьшились въ числѣ. Близъ г. Конотопа есть лѣсъ „Сарнавщина“. Помѣщикъ М. И. Рахубовскій, жившій близъ этого лѣса, рассказывалъ мнѣ, что въ началѣ 50-хъ годовъ зимой сарны забѣгали по временамъ даже въ его дворъ; теперь-же и тамъ ихъ мало. Сильное истребленіе дичи, особенно сарнь, произвелъ въ черниговской губ. въ началѣ 60-хъ годовъ нѣкій богатый самодуръ В—въ, который со свитою изъ 60 охотниковъ и огромнаго количества собакъ прошелъ чрезъ всю черниговскую губ., безсмысленно истребляя дичь.

Про *зубровъ*, живущихъ, какъ извѣстно, въ Бѣловежской пушчѣ, я вспомню здѣсь только ради того, чтобы подать мысль, что эту рѣдкую породу можно-бы, по моему мнѣнію, поддержать, если-бы достать живыхъ экземпляровъ на Кавказѣ, гдѣ они водятся по рѣчкѣ Зеленчуку.

Здѣсь къ слову упомяну о замѣчательномъ исчезающемъ животномъ, именно о *полозахъ*¹⁾. Въ херсонской губ. я слышалъ объ нихъ довольно рассказовъ: напримѣръ, мнѣ показывали старинную могилу, гдѣ въ норѣ жилъ полозъ, похищавшій ягнять, а въ одной брошюрѣ, чуть-ли не про торговлю въ Новороссіи въ началѣ этого вѣка, рассказывается, что въ огромныхъ бурьянахъ на степяхъ Новороссіи, пока не стали разводить въ огромномъ количествѣ шпанскихъ овецъ, водились такіе огромные полозы, которые будто-бы воловъ душили; но за вѣрность подобнаго указанія не ручаюсь.

Мнѣ разъ только въ жизни случилось видѣть живаго *полоза*; это было въ степи, въ ананьевскомъ уѣздѣ; змѣя лежала шагахъ въ 15 отъ дороги, по которой я ѣхалъ; проснувшись отъ стука

¹⁾ Большая змѣя изъ семейства *удавовъ* (*Peperoda*) родъ — *Eryx turcicus*, — такъ названъ въ зоологіи видъ, водящійся вблизи Каспійскаго моря.

колесъ моего экипажа, она подняла голову на аршинъ отъ земли. Когда я приказалъ остановиться, чтобы ближе разсмотрѣть, то змѣя поползла, и въ это время я имѣлъ возможность хорошо разглядѣть: длиною она показалась, по глазомѣру, болѣе 5 арш.; голова величиною въ согнутую кисть руки взрослого человѣка; туловище толщиною въ руку. Цвѣту была сѣраго съ желтоватымъ отливомъ, какъ-бы вымазанная деревяннымъ масломъ. Попадаютъ подобныя змѣи чаще всего по-надъ Бугомъ, среди скалъ. Самые большіе экземпляры видѣли на островѣ Березани или Ада, лежащемъ въ Черномъ морѣ недалеко отъ Очакова.

Въ заключеніе вспомнимъ и о нѣкоторыхъ исчезающихъ породахъ домашнихъ животныхъ. Наибольшаго сожалѣнія заслуживаетъ, по незнанію и умѣлости, почти совершенно уничтоженная порода *запорожскихъ лошадей*. Порода эта, сформированная запорожцами, знавшими въ лошадяхъ толкъ, существовала въ теченіе не менѣе 200 лѣтъ; эти лошади были средняго роста, масти преимущественно темно-гнѣдой; имѣли всѣ достоинства татарскихъ лошадей, не имѣя пороковъ этихъ послѣднихъ. Какъ извѣстно, татарскія лошади отличаются своею неприхотливостью на пищу и выносливостью въ ѣздѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они чрезвычайно некрасивы: костисты, горбоносы, съ большими головами и, какъ выражаются коннозаводчики, очень „*строги*“, то есть ихъ трудно выѣзжать, и выѣзженные они легко могутъ побить. Запорожская-же лошадь, будучи такъ-же вынослива, хорошо держала тѣло, въ состояніи была сдѣлать въ жаркую пору въ одинъ перегонъ, безъ отдыха 70—80 вер., чрезвычайно доброѣзжа и голова довольно красивая, средней величины. Теперь этой породы въ Новороссіи не существуетъ; послѣдній заводъ (въ елисаветградскомъ уѣздѣ—вдовы Сагайдакъ) закупили цѣликомъ ремонтеры. Говорятъ, будто-бы существуютъ остатки этой породы гдѣ-то въ Черноморіи у потомковъ запорожцевъ.

Близка къ уничтоженію, или вѣрнѣе сказать—къ искаженію, драгоценная порода „*Черкаскаго*“ скота. Можно опасаться исчезновенія ея, благодаря стремленію новаторовъ къ безтолковымъ улучшениямъ породъ. Первый примѣръ къ искаженію этой породы подалъ бывший помѣщикъ балтекаго уѣзда, нѣкій Подгорскій, который соблазнился кажущимся, вслѣдствіе огромныхъ роговъ и сухощавости, огромнымъ ростомъ „венгерскихъ“ воловъ, выписалъ изъ

Венгріи племенныхъ быковъ этой довольно скверной породы. Этотъ маломолочный скотъ много уступаетъ черкасскому скоту въ силѣ и мясистости, такъ какъ у перваго сильно развиты кости и рога въ ущербъ мускуламъ. Подгорскій былъ очень богатый человекъ и считался отличнымъ хозяиномъ; онъ нашелъ себѣ массу подражателей, которые бросились покупать племенныхъ венгерскихъ быковъ, будто-бы для улучшенія, а въ сущности—для порчи породы своего скота.

М. Левченко.

СОСТОЯНІЕ ПОЛИЦИИ ВЪ МАЛОРОССІЙСКИХЪ ГОРОДАХЪ XVIII В.

Городъ Переяславъ, о которомъ идетъ рѣчь въ предлагаемомъ ниже отрывкѣ изъ современнаго документа ¹⁾, принадлежалъ къ числу полковыхъ, т. е. по нашему губернскихъ городовъ; рядомъ съ Кіевомъ, Черниговомъ, онъ пользовался важною привилегіею—магдебургскимъ правомъ; слѣдовательно, имѣлъ новидимому всѣ шансы для процвѣтанія. Но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Всѣ вообще города лѣвобережной Украины къ половинѣ XVIII в. пришли въ состояніе крайняго упадка. Почти всѣ они крайне бѣдны: городскіе доходы ихъ были ничтожны; населеніе весьма незначительное,—въ Черниговѣ, напримѣръ, было всего 400 домовъ, считая въ томъ числѣ и бездворныя хаты. Пожары были обыкновеннымъ явленіемъ, а средства для борьбы съ ними были ничтожны.

Торговля парализовалась разными неустройствами; мѣстные мѣщане, обложенные тяжелыми налогами, не могли конкурировать съ пріѣзжими великороссійскими торговцами, а также тѣми лицами ихъ собственнаго сословія, которыя, выйдя въ чиновники или записавшись въ козаки, продолжали заниматься торговлей, будучи свободны отъ всякихъ повинностей и налоговъ; не менѣе жалобъ мы видимъ и на отставныхъ офицеровъ и рядовыхъ, о которыхъ мѣщане писали, что они вопреки законамъ „шинкуютъ горячимъ, простымъ и двойнымъ, виномъ и другими напитками“, на крестьянъ, которые „въ городскихъ крамныхъ лавкахъ продажу товаровъ производятъ“. Нѣкоторыя случайныя обстоятельства также способ-

¹⁾ Взять изъ румянцевской описи Малороссіи; *полкъ переясловскій*.

ствовали паденію городского быта. Здѣсь на первомъ планѣ нужно поставить квартирную повинность, которая отличалась крайнею неравномѣрностью и несправедливостью; квартировали войска въ Малороссіи постоянно, число ихъ было всегда значительно, а число домовъ не велико, размѣщались-же они почти исключительно по дворахъ бѣднѣйшихъ обывателей. Великороссійскіе офицеры и чиновники относились съ пренебреженіемъ къ малороссійскимъ обывателямъ, что опять возбуждало справедливыя жалобы со стороны послѣднихъ. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи наказъ полтавскихъ гражданъ въ екатерининскую комиссію для составленія уложенія 1767 г. „А съ великороссійскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ мы частыя обиды и побои, никогда и удовольствія никакого не получаемъ; и уже до того дошло, что если кто изъ нихъ чѣмъ насъ обидитъ или побьетъ, мы не смѣемъ и въ искательства входить; тѣмъ самымъ отъемлетя у насъ куражъ къ купеческой жизни и промысламъ, теряя отъ унынія все то, что чѣмъ можетъ свой авантажъ, а казнѣ вашего императорскаго величества доходъ съискать“¹⁾. Такова въ общихъ чертахъ картина городского быта Малороссіи во второй половинѣ XVIII в.; но въ такомъ-же видѣ ее рисуетъ въ своей запискѣ и тогдашній правитель Малороссіи, преемникъ послѣдняго гетмана Разумовскаго, гр. Румянцовъ. Не удивительно потому, что магдебургское право, подрываемое въ самомъ корнѣ канцелярскимъ, бюрократическимъ, а болѣе всего военнымъ элементомъ, не могло поддержать благосостоянія городовъ лѣвобережной Украйны; здѣсь намъ приходится наблюдать тоже самое явленіе, которое еще раньше можно было наблюдать на правомъ берегу Днѣпра, въ польской Украйнѣ. Мѣстная администрація вмѣшивалась и нарушала свободу выборовъ; мѣщане ремесленники должны были даромъ производить разныя тяжелыя работы гетману и старшинѣ. Для того, чтобы избавиться отъ бремени всяческихъ поборовъ, мѣщане записывались въ чиновники и козаки, чѣмъ, конечно, положеніе оставшихся еще болѣе ухудшалось. У многихъ городовъ были отняты принадлежавшія имъ земли: у однихъ села и деревни, у другихъ сѣнокосы, у третьихъ мельницы; въ результатѣ являлось пониженіе городскихъ доходовъ и отсутствіе городского бла-

¹⁾ Авсеенко. Малороссія въ 1777 году, стр. 93—94.

гоустройства. Во многихъ городахъ вовсе не было полиціи. Такъ граждане г. Глухова просятъ объ учрежденіи у нихъ городской полиціи, которая-бы заботилась о чистотѣ и о пожарной командѣ. Во время генеральной описи Малороссіи, произведенной гр. Румянцевымъ, рѣшили собрать свѣдѣнія о состояніи полиціи въ разныхъ городахъ и печатаемое ниже „Представленіе“ служить отвѣтомъ на вопросъ ревизоровъ. Вотъ его текстъ о полиціи пожарной.

„Высокородному и высокопочтенному г-ну карабинерного полку майору Александру Якубовичу отъ магистрату переяславского.

Представленіе.

.....Чтожь принадлежитъ до полиціи, о которой требуется исправки, въ какомъ она находится, то есть чичовники, такъ же инструмента, какіе имѣются исправные и неисправные, и где содержатся, и сколько для оной всехъ и какихъ именно людей, и откуда опредѣленно, также съ мѣщанскихъ дворовъ, на лошадей для возки во время пожарное бочекъ зъ водою расположение, и съ которого году, и почему та полиція учреждена; то оной полиціи при магистратѣ содержать нѣ съ чего, для того, яко показаной магистратѣ, хотя искони утверждень королевскими привилегіями и государственными грамотами и чрезъ многие года находился при своихъ правахъ и волностяхъ, вѣдая одну главную команду, бывшую генеральную войсковую канцелярію, почему тогда при ономъ магистратѣ, а не где инде и полиція содержалась; но какъ въ недавнихъ годахъ полковою переяславскою канцеляріею оной магистратѣ былъ (взятъ) въ (ея) ведомство, то съ того времени, будучи подъ темъ полковой канцеляріи ведомствомъ, всѣ мѣщане лишились своихъ волностей и находились въ волѣ и приказаніи той полковой канцеляріи; и полковая переяславская старшина разными образи завладѣвши людей изъ землями магистратскими, какъ въ городѣ, на подворкахъ, такъ и въ селахъ, магистрату переяславскому високомонаршою грамотою жалованыхъ и бывшими гетманами уиъверсалами наданныхъ, наконецъ всехъ того прошлаго 1759 году и бывшие при ономъ магистратѣ для пожарныхъ случаевъ инструменти, а именно круковъ желѣзныхъ четыре, вилъ желѣзныхъ трое, щитовъ повстаныхъ, полотномъ подшитыхъ, зъ пятами деревянными, три, лѣствиць деревяныхъ большихъ, саженой въ восьми, двѣ, бочекъ

зъ телегами добрими для возки воды пять, въ оную полковую канцелярію отобрали и *содержали до сего года ту полицію при полковой канцеляріи, а сего году оная полиція, неведомо почему, переведена била за городъ, за браму илтицкую не за версту и препорученна была въ ведомство сотнику терехтемировскому Михайлу Гриневичу, и оной сотникъ на ту полицію, что учили были забирать силнимъ образомъ людей магистратскихъ, то, на послѣдокъ того, каковъ объ оной полиціи зъ малороссійской коллегіи полученъ въ магистратѣ здешнемъ указъ, съ одного точную копию къ надлежащему усмотрѣнію вашему високоблагородію при семъ прилагаемъ“.*

Бурмистръ Кирило Іосифовъ.

Бурмистръ Димитрій Тимофѣевъ.

Писарь Артемъ Даценко.

Райця Николай Мищенко.

1765 году
октября 23.

Сообщилъ Дм. Багалъй.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЯ СВѢДѢНІЯ О САВВѢ ТУПТАЛѢ И ЕГО РОДѢ.

Къ іюльской книжкѣ „К. С.“ приложенъ портретъ, изображающій отца св. Димитрія Ростовскаго—*Савву Туптала*. Портретовъ его, писанныхъ маслянными красками, намъ приходилось видѣть нѣсколько списковъ, но всѣ они позднѣйшаго времени и при томъ сдѣланы очень неудачно: кописты видимо подкрашивали подлинникъ, стараясь изображать какого-то ветхозавѣтнаго патріарха. Такая копія находится напр. въ собраніи В. В. Тарновскаго. Приложенный „Кіевскою Стариною“ портретъ Саввы Туптала представляетъ снимокъ съ литографіи, изданной въ 30-хъ годахъ Снегиревымъ. Намъ кажется, что эта литографія передаетъ подлинникъ лучше всѣхъ копій, писанныхъ маслянными красками. Имѣющаяся на портретѣ надпись, называющая Савву Туптала кіевскимъ сотникомъ, какъ современная его кончинѣ, даетъ, конечно, свѣдѣніе несомнѣнное, но другихъ положительныхъ о немъ данныхъ мы не встрѣчаемъ. Единственное извѣстное намъ документальное свѣдѣніе

мы нашли въ одномъ давнемъ изданіи ¹⁾), именно „Сибирскомъ Сборникѣ“, заключающемъ въ себѣ отписки кievскаго воеводы, кн. Трубецкаго, къ царю Алексѣю Михайловичу, за 1673—1674 г. Въ одной изъ этихъ отписокъ (№ 49) читаемъ:

„7182 С 1674 г., ноября въ 14 день, пришло въ Клевъ выходець изъ полону; а въ роспросе боярину і воеводамъ князю Ю. П. Трубецкому съ товарищи сказался: бывалъ киевскоі житель, Савою зовуть, прозвище Туптула, а служилъ козацкую службу; тому ныне три года, взяли ево въ полонъ Пивина полку поляки подъ местечкомъ Бышовымъ и привели въ Димеръ; а изъ Димера полковникъ Пиво отослалъ его въ Полшу къ гетману Яну Собескому. И изъ Полши Сабескоі съ полскими войски пошолъ къ Волоскоі земли войною противъ турецкого. А ево де, Саву, гетманъ Явъ Сабескоі отпустилъ изъ обозу на волю, и далъ къ Петру Дорошенку листы“.

Итакъ 75-ти лѣтъ отъ роду отецъ Ростовскаго святителя несъ еще дѣйствительную козацкую службу со всѣми тягостями похода, сраженій и плѣна. И послѣ такой жизни и службы онъ умираетъ лишь на 103 году.

Не лишено значенія и нѣкотораго отношенія къ жизни доблестнаго малороссійскаго сотника духовное завѣщаніе одной изъ трехъ дочерей его, „Параскевіи Тупталовны“, которая пережила прочихъ сестеръ и была игуменьей кievскаго іорданскаго женскаго монастыря. Это завѣщаніе ²⁾), которое мы здѣсь кстаті приводимъ полностью, указываетъ на мѣстонахожденіе *отческаго двора* завѣщательницы и вообще рисуеть обстановку кievской монахини начала XVIII в. Текстъ его слѣдующій:

„Во имя Отца и Сына и святаго Духа. Аминь.

Я Параскевія Тупталовна, ігуменія монастыря іорданскаго, видячи себе ближшую ко смерти, неже ко животу, якъ на тѣлѣ схорѣлюю, еднакъ же при разумѣ зуполномъ зостаючи, напредъ поручаю себе милосердію Божому, а тѣло, якъ землю, землѣ и христіанскому обиклому погребовѣ. И кого колвекъ чимъ когда

¹⁾ Сибирск. Сборн. М. 1845. Стр. 51—52.

²⁾ Акты іорданскаго монастыря въ бібліотекѣ церк.-археол. муз. при кievск. дух. академіи, по каталогу Петрова, № 216, лят. Ж., № 16.

въ житіи оскорбила отъ мирскаго немирнаго пристрастія, отъ всѣхъ прощенія прошу и молю въ Богу превелебнаго господина отца ігумена святотроецкаго кіевскаго, да по благоутробію своему позволить мѣстце въ церквѣ тѣлу моему грѣшному и изволить принять до обители святой дворъ отческій власній близъ Притискаго Николи стоячий, дабы за сіе поминано душу мою грѣшную. Еще извѣствую послѣднимъ тестаментомъ, ижъ остаю винна долгу до обители святой іорданской золотихъ сто, господину свято-константиновскому священнику золотихъ сорокъ, старицѣ Аннѣ зол. 20, наймиту золотихъ 10, уставницѣ таляровъ чотори, которіи довги, продавши раску песцову, луданомъ накрытую, и раску собою, также луданомъ прикрытую, и цѣны (цинковую посуду): полумисковъ деветь, талѣрокъ шѣстьнадцать, сребраный роструханъ и кубочковъ два келейнии мои и келію новую продавши, поотдавать повини. Келію, которая моя давная и въ которой умирзю, и съ пекарнею и зовсѣмъ келейнимъ моимъ, полецаю, да и дитина моя съ ними, перебудеть до смерти; ложокъ одинадцать срѣбрнихъ на памятку сыну моему Іліи, до обители монастыря іерданскаго зол. 10, а такъ распорядивши, и съ тихъ кубочковъ малихъ одинъ господину свято-константиновскому отдать всю диспозицію полецила келейнимъ моимъ и варую при семъ, абы сія остатная тестаментовая воля моя не была ни въ чомъ ни отъ кого нарушена, подъ неблагословеніемъ Божиимъ и подъ клятвою святыхъ отецъ бывшихъ на соборѣ никейскомъ, а для болшой вѣри, якъ неумѣющая писать, крестомъ святымъ ствержаю †. Еще келейнимъ и казанъ, що сукно чернятъ.

Сей тестаментъ писался въ Богу превелебнаго господина отца ігумена Кириловскаго Евстратія, при битности многихъ сеетеръ и намѣсници въ товремя Анфіи року 1710 мѣсяца іюня дня 16, отъ мене попа Григорія, попа святыхъ и равноапостолнихъ царей Константина и Елени рукою власною.

А. Лазаревскій.

КУРТА*).

Сообщаемая пастушеская былина, подъ названіемъ *Курты*, еще отъ 60 годовъ получившая извѣстность отъ одного подолянина, любителя украинской народности, слышана мною въ урывкахъ отъ разныхъ лицъ, въ разныхъ мѣстахъ и варіаціяхъ. Это самобытный и оригинальный памятникъ пастушескихъ былинъ, единственный, извѣстный мнѣ. Дѣлюсь имъ съ читателями „Кіевской Старины“. Трудно отыскать что либо лучше для представленія живой картины и эстетическаго облика природы съ степнымъ пошибомъ, степнымъ миражемъ, который выражается въ словахъ: „онъ-де мріють“. Напѣвъ пѣсни въ высокой степени мелодичный и хватающій за сердце. Картина, передаваемая пѣснію, проста, но высоко поэтична. Жаркій полдень; изнуренный зноемъ и отсутствіемъ какихъ либо впечатлѣній пастухъ—чабанъ вздремнулъ у могилы, а проснувшись не видитъ вокругъ себя ни своихъ овецъ, ни спутника одинокой своей жизни и стража стада—*Курты*. Кругомъ его безбрежная, какъ море, степь. Не на чемъ глазу остановиться и лишь тамъ, гдѣ оканчивается горизонтъ, едва примѣтна „мрява“—игра палящихъ солнечныхъ лучей. Чабанъ окидываетъ истомленнымъ взоромъ степь, и подъ давленіемъ истомы и страха за участь стада, обращается съ вопросомъ объ овцахъ къ орлу, что въ небѣ летаетъ, и вѣтру, что гуляетъ въ полѣ съ травой и въ морѣ съ волною, и тщетно выкликаетъ своего спутника. При воспоминаніи о вѣтрѣ, въ его воображеніи живо рисуется такъ не сходная съ однообразною пастушескою бурная козачая жизнь и онъ вспоминаетъ недобромъ Брюховецкаго и ласковымъ словомъ Кошеваго Сѣрка, то спрашивая объ овцахъ, то выкликая „Курту“. Напѣвъ этой части пѣсни глубоко заунывный и трогаящій, особливо когда пѣніе сопровождается игрою на бандурѣ. Вотъ эта наибольшая часть пѣсни.

Ой ишовъ чабанъ горою
А курта йшла долиною!..

*) *Куртою* называется собака—овчарка, имѣющая короткій хвостъ. *Курта* или *куртка* значить и короткое, до пояса, одѣяніе; но въ какомъ случаѣ это слово, является собственнымъ и въ какомъ переноснымъ, рѣшить трудно.

Припѣвъ...

Ня-ня, курта, ня!
А дежъ мої вівці!..

Слѣдуєть прираванье.

Ой заснувъ я на хвилинку,
А проснувся вѣ обідню годинку!
Ня-ня, курта, ня!..
Заснувъ чабанъ, заснувъ Степанъ,
Да не заснула курта,
Якъ кинется чабанъ-Степанъ,
А дежъ іого юрта!

Припѣвъ...

Ой я думавъ, що то вівці,
Ажъ то якійсь, превражий сынъ,
Да покопавъ кіпці!..

Припѣвъ...

Ой ты сизый орле,
Ты всюди літаєшь,
И на горахъ и на скеляхъ спочиваєшь,
Зъ высокості у ті бездны прозриваєшь,
И гадюку и казюку—усе бачишь,
Чи не бачивъ моїхъ овецъ?

Припѣвъ...

Ой ты, буйный вітре,
Ты всюди гуляєшь,
И по степу ту ковылу,
Ту билыну знай гойдаєшь,
Перекооти-поле—те качаєшь,
И те море розбиваєшь,
Сиві-гривы підіймаєшь,
И съ тимъ моремъ розмовляєшь,
И ті чайки, мовъ ті стружки, розметаєшь,
И ті люльки, ті бурульки роскураєшь,
Шапки на бікъ заломляєшь,
И ті чубы розвіваєшь,

Горде дубѣ нагинаешь,
 Брюховецькихъ пидвертаешь
 И насъ бѣднихъ вызволяешь,—
 Чи не бачивъ моїхъ овець?
 Ня-ня курта, а дежъ мої вівці?
 Ой зійду-жъ я на могилу,
 Да на саму вершину
 Да подивлюсь на долину,
 А дежъ мої вівці!

Ой ты, батьку-Сірку,
 Козацькій барвінку,
 Та надівай шанку-бирьку,
 Та вызволай чабана-товаринку.
 Ня-ня курта-ня!...

Вдругъ издалека несется лай курты. Услыхавъ курту, Чабанъ, увидѣвъ отару, переходитъ изъ плачевнаго „завыванна“ въ радостный порывъ, начинается танецъ, приграванье и пригѣвъ „козачка“: ня-ня, курта, ня-ня, курта.

Онъ де мріють,
 Онъ де вівці (2)
 Ня, курта-ня
 Ня, курта, ня!

Козачкомъ оканчивается эта оригинальная пѣсня-былина на томъ моментѣ, когда курта, какъ соучастникъ радости, появляется у ногъ своего хозяина.

Степанъ фонъ-Носъ.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ ДРЕВНЕЙ ПАПЕРТИ КІЕВО-СОФІЙСКАГО СОБОРА.

Древнѣйшая кіевская и всероссійская святыня—храмъ св. Софіи, въ теченіи долгаго своего существованія, представлялъ постепенное отклоненіе отъ своего первоначальнаго вида и только въ послѣдніи сорокъ лѣтъ настало въ его судьбѣ обратное движеніе, далекое еще отъ полнаго его окончанія. Воздвигнутый въ 1036 году великимъ княземъ кіевскимъ Ярославомъ Мудрымъ, по образцу Софіи цареградской, кіево-софійскій соборъ, въ теченіи вѣковъ, подвергался

много разъ наружнымъ и внутреннимъ передѣлкамъ, которыя во многомъ измѣнили его древнее величіе и красоту. Разновременно закрыты его наружныя галереи, обращенныя въ паперти, закрыта была драгоцѣнная фресковая стѣнопись подъ нѣсколькими слоями обыкновенной живописи, измѣнена и верхняя часть его сокрытіемъ однихъ, надстройкою другихъ куполовъ. Самый входъ въ соборъ и подходъ къ нему съ западныхъ или главныхъ дверей сильно измѣненъ. Не говоримъ о значительномъ его углубленіи въ землю, о множествѣ контрфосовъ, которые вызваны тяжелыми надстройками, но изъ которыхъ иные, на простой даже взглядъ, оказываются лишними и своею неуклюжестью закрываютъ и безобразятъ видъ древнѣйшаго нашего храма.

Уваженіе къ древности въ жизни народовъ наступаешь не скоро и, развиваясь постепенно, служить показателемъ ихъ развитія. Подъ влияніемъ этого чувства обратный ходъ въ исторіи софійскаго собора начался съ 40-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія, когда, по повелѣнію императора Николая Павловича, приступлено было къ возобновленію собора для открытія и сохраненія его мозаики и фресковъ. Работы длились 10 лѣтъ, подъ наблюденіемъ академика Солнцева, и послѣдствіемъ ихъ было то, что теперь всякій, войдя въ храмъ св. Софій, чувствуетъ себя въ храмѣ глубокой древности. Возстановленіе древняго наружнаго вида собора не входило въ планъ тогдашняго его обновленія, но уже тогда чувствовалась необходимость одного отступленія отъ обычая сѣдой древности, именно превращенія собора изъ холоднаго въ теплый, между прочимъ въ видахъ охраненія отъ сырости и порчи мозаическихъ и фресковыхъ изображеній. Было готово Высочайшее на то повелѣніе, но тогдашніе архитекторы не могли изыскать мѣста и способа для устройства отопленія: строить обыкновенныя печи съ пробивкою трубъ въ стѣнахъ, представляющихъ, по свойству и давности постройки, сплошную окаменѣлую массу, было дѣйствительно невозможно, устроить калориферы въ фундаментахъ, при небольшой ихъ глубинѣ, также не нашлись. Никому не пришло тогда на мысль, что западная сторона собора отъ главнаго входа, сама по себѣ требовавшая исправленія по древнему фасаду, служить наилучшимъ для этой цѣли мѣстомъ. Здѣсь, какъ на сѣверной и южной сторонѣ, была паперть, или древнѣе галерея, которой продольная стѣна входила въ связь

съ такими-же стѣнами сѣверной и южной галлерей. Стѣна эта со сводами, скрѣплявшими ее съ соборомъ, или иначе западная паперть, обрушилась 6-го сентября 1625 г., во время заустѣнія собора въ рукахъ уніатовъ, длившася 1610—1633 г. Митрополитъ Петръ Могила, возвративъ православію св. Софію, очистилъ лишь мѣсто разрушенія и, закрывъ слѣды онаго, устроилъ на прилегавшихъ съ боковъ стѣнахъ и западной стѣнѣ собственно храма такія-же наружныя украшенія, какія были на стѣнахъ сѣверной и южной. Такимъ образомъ въ фасадѣ собора образовалось продольное углубленіе, впереди котораго по обѣимъ сторонамъ выдвигались закрытыя оконечности западной и южной папертей. Возстановить западную паперть пробовали еще въ XVII ст.,—слѣды этого открыты теперь въ наружныхъ частяхъ какъ главной западной, такъ и боковыхъ стѣнъ; но плохая, какъ видно по остаткамъ извести, постройка снова рушилась и съ тѣхъ поръ мѣсто бывшей паперти оставалось до сего года пустымъ и едва-ли кто зналъ о существованіи оной. Слѣды неудачныхъ работъ закрыты были новыми наружными украшеніями поверхъ могилнскихъ, а вся подпольная часть паперти завалена была щебнемъ отъ обрушившейся постройки; въ позднѣйшее время площадь паперти отгорожена была желѣзною рѣшеткою, существовавшею до 1843 г. и въ этомъ году разобранною.

Теперь такъ давно уничтоженная западная паперть, съ Высочайшаго соизволенія, возстановляется вновь, но не на старомъ, а на новомъ фундаментѣ, который углубляется до 5-ти аршинъ, вмѣсто трехъ. Это даетъ возможность устроить здѣсь, безъ всякаго опасенія для старыхъ стѣнъ, камеры для печей, посредствомъ которыхъ древнѣйшій нашъ соборъ въ первый разъ отъ времени своей постройки станетъ огрѣваться. Тяжелое ощущеніе и гибельное вліяніе производила температура въ соборѣ по прошествіи зимы. Вы точно входили въ глубокій, давно не открывавшійся погребъ, или ледникъ; на васъ вѣяло и холодомъ и сыростью. Далеко не всѣ посѣтители собора выдерживали такую атмосферу, почтенные-же предстоятели онаго платились нерѣдко здоровьемъ; сырость отзывалась на утвари, иконостасѣ и фрескахъ. Теперь всѣ эти невыгоды устранятся и соборъ подвинется еще на шагъ къ своему прежнему, хотя и не первоначальному, виду.

Само собою разумѣется, что при возстановленіи древней паперти сохраненъ будетъ прежній внѣшній ея видъ, и всѣ наружныя оной украшенія, за что ручается намъ археологическая опытность нынѣшняго настоятеля собора.

Съ начатиемъ работъ по возобновленію западной паперти собора признано нужнымъ въ южной стѣнѣ онаго открыть второй ходъ въ древней аркѣ, обращенной въ окно; при этомъ неожиданно на самой аркѣ открыты фресковыя изображенія двухъ святителей и такая-же большаго объема звѣзда. И такъ еще одна древность въ древнѣйшемъ храмѣ св. Софіи.

Пожелаемъ, чтобы кіево-софійскій соборъ на этомъ не остановился и сбросилъ съ себя еще нѣкоторыя, слишкомъ очевидныя и вовсе ненужныя наслоенія.
